

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.41>

Суворова Елена Владимировна

ВИДЫ ИНФЕРЕНЦИЙ В ДИСКУРСЕ

Статья представляет собой обзор современных российских и зарубежных научных исследований в области инференции и дискурса. Основной акцент в статье делается на обсуждении и анализе имеющихся классификаций инференций с целью оценить их универсальность и предложить свою классификацию видов инференций на основе более общих критериев речевого мышления, не связанных с каким-либо конкретным продуктом речевой деятельности. В качестве основы выделения соответствующих видов инференции предлагаются такие мыслительные операции, как сравнение, достраивание (фрейминг), интеграция, элиминация, дедукция и индукция. В статье дается обзор данных операций применительно к разным речевым высказываниям и делается вывод о том, можно ли рассматривать данные виды мыслительных операций как основу различных видов инференций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 176-181. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Джексон Р. Вертолеты: иллюстрированная энциклопедия / пер. с англ. В. Беляева. М.: Омега, 2007. 192 с.
5. Зарубежное военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zvo.su/> (дата обращения: 14.12.2017).
6. Лейчик В. М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. № 3. С. 80-87.
7. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
8. Мурашкевич А. М. Англо-русский словарь по авиационному оборудованию и бортовым системам: 45 000 терминов: в 2-х т. М.: НВК-Инвест, 2003. Т. 1. 651 с.; Т. 2. 602 с.
9. Мурашкевич А. М. Англо-русский словарь сокращений по авиационной и ракетно-космической технике. М.: Воениздат, 1981. 624 с.
10. Руководство по летной эксплуатации вертолета Ка-32А / ред. С. В. Михеев. М.: ГосНИИ ГА, 1992. 728 с.
11. Стрелковский Г. М. Теория и практика военного перевода. Немецкий язык. М.: Воениздат, 1979. 272 с.
12. Элмонд П. 100 лет авиации / пер. с англ. С. Матея. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 384 с.
13. <http://www.helicopter-industry.com/> (дата обращения: 15.12.2017).
14. <http://www.kokpit.aero/> (дата обращения: 14.12.2017).
15. <https://www.savunmasanayi.org/t-129-atak-helikopteri/> (дата обращения: 26.12.2017).
16. Operator's manual for Army CH-47 helicopter. Washington: Headquarters, Department of the Army, 2003. 714 p.
17. Rotor & Wing International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rotorandwing.com/> (дата обращения: 15.12.2017).
18. TAI – Türk Havacılık ve Uzay Sanayii A.Ş. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tai.com.tr/urun/t129-atak> (дата обращения: 25.12.2017).

**TERMINOLOGY OF MILITARY HELICOPTER AVIATION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC STUDY
(BY THE EXAMPLE OF THE ENGLISH, RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES)**

Solov'eva Aleksandra Evgen'evna

*The Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy (Branch) in Syzran
sandraS91@yandex.ru*

The article deals with the terminology of military helicopter aviation in the English, Russian and Turkish languages. A distinctive feature and novelty of this study is its focus on highly specialized vocabulary in the context of several languages. The author describes the main stages of work with terminology, presents the results of its semasiological and onomasiological analysis. Conclusions are drawn that, firstly, the terms in three languages are monosemantic; secondly, synonymy is widespread; thirdly, most terms are terms-phrases.

Key words and phrases: terminology studies; comparative terminology studies; terminology; military terminology; helicopter aviation terminology; term; text.

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 16.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.41>

Статья представляет собой обзор современных российских и зарубежных научных исследований в области инференции и дискурса. Основной акцент в статье делается на обсуждении и анализе имеющихся классификаций инференций с целью оценить их универсальность и предложить свою классификацию видов инференций на основе более общих критериев речевого мышления, не связанных с каким-либо конкретным продуктом речевой деятельности. В качестве основы выделения соответствующих видов инференции предлагаются такие мыслительные операции, как сравнение, достраивание (фрейминг), интеграция, элиминация, дедукция и индукция. В статье дается обзор данных операций применительно к разным речевым высказываниям и делается вывод о том, можно ли рассматривать данные виды мыслительных операций как основу различных видов инференций.

Ключевые слова и фразы: инференция; виды инференции; мышление; мыслительные операции; дискурс.

Суворова Елена Владимировна, к. пед. н., доцент

*Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
suvorlen@yandex.ru*

ВИДЫ ИНФЕРЕНЦИЙ В ДИСКУРСЕ

Изучение связи языка и мышления способствовало возникновению таких объектов исследования, как отраженное и интегрированное знание, механизмы выводного знания и его типизация. В настоящее время существует достаточно большое количество исследований, в которых делается попытка объяснить механизмы инференции на разном языковом материале, в т.ч. применительно к проблемам словообразования и восприятия текста или дискурса (в данной работе понятия текст и дискурс рассматриваются как смежные. Под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, взятый в событийном аспекте» [4, с. 136]).

Однако при всем многообразии и качестве проводимых исследований природа инференции остается до конца неясной, т.к. отсутствует полная картина ее проявлений в языке и речи. Во-первых, это связано

с разнохарактерностью механизмов действия инференции. Очевидно, что наблюдаемый спектр проявлений инференции охватывает экстралингвистическую (в частности, невербальную коммуникацию) и лингвистическую области, включая участие инференции в процессах словообразования и номинации. Во-вторых, разрозненность и бессистемность подходов к исследованию инференции обусловлена огромным объемом языкового материала, используемого для изучения характера механизмов действия названного выше процесса (в этой связи кажется естественным, что исследователи предпочитают заниматься каким-либо одним сегментом проявления инференции). Таким образом, поиск общего фундамента для имеющихся исследований мог бы послужить точкой опоры для объединения усилий в изучении данного явления.

Исходя из того, что инференция – это форма мыслительной деятельности, мы полагаем, что поиск общей основы проявлений инференции должен вестись с учетом универсальности действия данного процесса и его когнитивной природы. В этом случае в основе инференции должны лежать когнитивные механизмы, работающие в той или иной ситуации общения или языкового проявления. Обзор существующих направлений исследования инференции позволит выявить общие точки соприкосновения и выявить основу, объединяющую разновекторные направления действия рассматриваемого в статье явления.

В частности, в книге Е. С. Кубряковой «Язык и знание» рассматриваются три направления в исследовании инференции: 1) инференция, возникающая при восприятии однокоренных образований в тексте (к примеру, если речь идет о праздновании выпускного вечера, предполагается, что ребята, участвующие в вечере, – выпускники и т.п.); 2) инференция, восстанавливающая предикат при распознавании семантики отыменного производного (*пианист – тот, кто играет на пианино*) или аргументы к глаголу, расширяющие многозначность имени (*появление – пятна на платье, актрисы на сцене, книги из печати и т.п.*); 3) инференция, лежащая в основе анализа полисемии у производных разных частей речи (речь идет об определении исходного прототипического значения имеющейся в составе слова морфемы и определении всего семантического гнезда по принципу фамильного сходства). Например, если вне текста *лесной* имеет значение *относящийся к лесу*, в реальном употреблении слово *лесной* может означать *находящийся в лесу (лесная поляна), типичный для леса (лесной запах и т.п.)* [2]. Еще одним направлением изучения инференции в словообразовании можно считать исследование, проведенное Л. В. Бабиной на материале производных глагольных единиц. Здесь процесс инференции выступает как инструмент выведения значения производного глагола из мотивирующей основы, которая служит аккумулятором знаний и «контекстом» в ходе интеграции основы и словообразовательной морфемы [1].

В перечисленных направлениях инференция предстает в качестве операционного процесса, который имеет либо связующее, либо расширительное действие. Тем не менее в реальности спектр и характер действия инференции гораздо шире. Доказательством этому может служить ряд работ, в которых инференция изучается в рамках различных типов дискурса: нарративного [13], рекламного [5], аргументативного [3] и др. Дискурсивное исследование инференции началось с ряда прагматических теорий: модели обработки текста [12], ситуационной модели [17] и др. В этих работах была сделана попытка отойти от формально-логического подхода в понимании инференции. Инференция стала рассматриваться в виде набора дедуктивных правил или правил исключения; впервые было учтено влияние внутренней, когнитивной информации в рамках имеющейся ситуации и социального контекста. В дальнейшем действие инференции в дискурсе рассматривалось применительно к уровню текстовой обработки; типу инференцируемых семантических отношений; зависимости от используемых структур знаний и контекста и т.п.

Опираясь на модель обработки текста Т. А. ван Дейка и У. Кинча, С. Болштадт, Х. Мандель, У. Шнотц и С. Терган рассматривают вертикальный и горизонтальный векторы направленности действия инференции в тексте. Вертикальная инференция имеет место в процессе организации атомарных пропозиций в структуры более высокого уровня: макропропозиции и далее в макропропозиционные схемы. Горизонтальная инференция может быть связующей и расширительной: первая необходима для заполнения лакун на микро- или макропропозиционном уровне, вторая – для более полного, расширенного понимания текстовой базы. Описанные здесь виды инференции тесно перекликаются с видами инференции, выделяемыми по месту осуществления действия в тексте [7; 12]. П. А. Капентер и М. А. Джаст предлагают рассматривать инференцию как прямую и обратную. Прямая инференция направлена на части текста, следующие за воспринимаемым отрывком, обратная – на предшествующие воспринимаемому отрывку части текста [8]. В качестве похожего примера можно также привести выделение видов инференции по функциональному признаку. Исследуя структуру параграфа и ее связь с механизмами инференции, Е. Дж. Крозерс считает необходимым отделить дедуктивную логику от вероятностных видов инференции, которые он определяет как предварительный (*a priori inference*) и последующий (*a posteriori inference*). Инференционная теория структуры текста Е. Дж. Крозерса, так же как и рассматриваемые выше теории, основывается на том, что скрытая структура текста формируется за счет эксплицитного, поверхностного текста через формулирование пропозиций, элементов пропозиций и связующей инференции. Выводимые пропозиции и элементы пропозиций Е. Дж. Крозерс считает априорными, если они выводятся на основе внешней по отношению к тексту информации, например на основе знаний о мире. В свою очередь, последующая инференция возникает после семантической обработки высказывания на основе переработанной информации. Важной характеристикой вероятностной инференции является факультативность, необязательность возникновения [11]. Таким образом, структура текста становится зависимой от личностных инференций, выстраиваемых в ходе восприятия. В этой связи можно упомянуть разграничение инференции, рассматриваемое Л. М. Редером. Он определяет инференцию как обязательную и факультативную. Обязательная инференция необходима при восстановлении связности текста и заполнении смысловых лакун, факультативная обогащает содержание текста, не выполняя связующую функцию [14, р. 33].

В противовес теории Т. А. ван Дейка и У. Кинча в качестве основы для выделения видов инференции А. Дж. Сенфорд и С. С. Герод используют теорию лексической декомпозиции. Раскладывая текст на семантические примитивы и их связующие, авторы рассматривают вид «автоматической» инференции, считая, что инференция «встроена» в лежащую за восприятием концептуализацию. Например, при восприятии второго из двух связанных между собой предложений: *Mary dressed the baby. The clothes were made of pink wool* [15, p. 104]. / *Мэри одела ребенка. Одежда была из розовой шерсти* (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. С.), слово *clothes* (одежда) уже представлено в виде семантического примитива, т.к. было определено при слове *dressed* (одела). В своих исследованиях С. С. Герод уходит еще дальше, предлагая рассматривать инференцию как 1) «автоматическую», бессознательную и 2) как контролируемую, имеющую выход на уровень сознания [Ibidem].

Похожим примером может послужить инференция, возникающая при замене общего термина на конкретный [14, p.20]. Восприятие предложения *the fish attacked the swimmer* (рыба атаковала пловца) длится дольше, чем *the shark attacked the swimmer* (акула атаковала пловца), т.к. адресат вынужден строить умозаключения о том, что может лежать за общим термином *fish* (рыба), подменяя его конкретными терминами *shark* (акула), *piranha* (пиранья) и т.п. М. Зингер исследует инференцию, возникающую при заполнении таких слотов в предложении, как агенс, пациенс, инструмент (*case-filling inference*). В частности, предложение *the tooth was drilled* (зуб сверлил) может быть с легкостью дополнено словами *by a dentist* (стоматолог) [16, p. 188].

Еще одним подходом к выделению видов инференции можно считать контекстуальную теорию Х. Кларка и Т. Карлсона. Рассматривая общие характеристики контекста, авторы приходят к выводу, что контекст может быть внутренним (*intrinsic*) и вероятным (*incidental*). Если первый носит субъективный характер и предполагает внешнее воздействие на процесс восприятия, а именно эмоционально-личностное отношение к высказыванию, окружающей обстановке и т.п., то второй – это «общие знания» для говорящего и слушающего в момент речи, получаемые из трех основных источников: физического соприсутствия, лингвистического соприсутствия и принадлежности к социальной группе. Процессы инференции, как полагают авторы теории, основаны на общих знаниях, получаемых из комбинации данных источников опыта. Инференции, связывающие предшествующие высказывания с вновь воспринимаемым, по мнению авторов, основываются на лингвистическом соприсутствии, когда слушающий воспринимает знания между ним и говорящим как общие. На выводимую информацию также оказывает влияние физическое соприсутствие, предполагающее общее для говорящего и слушающего эмоциональное и физическое восприятие ситуации общения. Принадлежность к одному и тому же сообществу – источник релевантных фоновых знаний, необходимых для понимания лингвистических реалий и устранения лакун в общении [9].

Последним из рассматриваемых нами подходов стала конструктивистская теория А. Граессера, М. Зингера, У. Трабассо, в основу которой положены типы структур знаний, используемых при создании референтной ситуативной модели нарративного текста. Теория построена на принципе «поиск после смыслового восприятия» (*search after meaning*), согласно которому читатель создает смысловую репрезентацию в соответствии со своими читательскими целями и согласует ее на глобальном и локальном уровнях, объясняя действия и события в тексте. Таким образом, ситуационная модель, по мнению А. Граессера, М. Зингера, У. Трабассо, представляет собой ментальную репрезентацию героев, событий, действий, окружающей обстановки и т.п., которые упоминаются в тексте эксплицитно или заполняются инференционно за счет активации структур фоновых знаний. Фоновые знания активируются через узнавание паттернов, эксплицитное содержание слов и их комбинаций, интерпретацию текста. Если структура фоновых знаний знакома, большая ее часть активируется в рабочей памяти автоматически [13].

Проведя ретроспективный анализ имеющихся классификаций инференций и критериев, закладываемых в их основу, мы выделили два общих направления в классификационной оценке механизмов инференции. Во-первых, это способ генерирования инференции – инференция может запускаться либо автоматически, либо ее запуску может предшествовать первоначальная оценка и обработка структур знаний. Во-вторых, это время генерации инференции – инференция может осуществляться в двух режимах: *online* или *offline*. К инференциям, генерируемым *online*, как правило, относят так называемые соединительные инференции, служащие для связки слов или небольших кусков текста на локальном уровне (дейктические, антецедентные, инструментальные, ролевые и т.п.), или инференции, которые позволяют вывести общую идею текста с опорой на большие по объему текстовые отрезки. К инференциям, генерируемым *offline*, относят либо автоматические инференции, либо инференции, расширяющие и дополняющие воспринимаемый смысл. Важно подчеркнуть, что языковым материалом для выделения названных выше направлений классификации инференции послужили в основном нарративные тексты, что значительно уменьшило ракурс исследования и не позволило разработать единый подход к исследуемому явлению. На наш взгляд, классификация видов инференции как процесса, имеющего универсальный характер, не должна сводиться к узконаправленному анализу нарративных текстов или цепочкам логических умозаключений, применяемых в аналитических текстах. Для определения сути инференции и, как следствие, ее видов требуется совершенно другая, более глубокая основа, которая бы, во-первых, максимально охватывала разновекторный спектр проявлений этого явления (начиная с процессов словообразования и заканчивая процессами речепроизводства и речевосприятия), а во-вторых, была релевантной когнитивной природе инференции. Поскольку инференцию можно считать одним из видов мышления, в ее основе должны лежать механизмы, присущие всему процессу мышления в целом, такие как сравнение, достраивание (фрейминг), интеграция, элиминация, дедукция, индукция. Данный перечень может быть дополнен, т.к. огромный объем языкового проявления инференции требует дальнейшего рассмотрения и оценки.

Процесс инференции – это одна из форм мыслительной деятельности, поэтому именно мышление может представлять собой ту основу, которая позволит проникнуть в суть процесса инференции. Мышление – психический процесс обобщенного и опосредованного отражения устойчивых, закономерных свойств и отношений действительности, существенных для разрешения познавательных проблем. Мышление определяет структуру индивидуального сознания, формирует ценности, позволяющие давать личностную оценку и интерпретацию событий и явлений, обеспечивает их понимание. Мыслительная деятельность может носить как сугубо алгоритмический, логически выстроенный характер, как, например, при решении математических задач и логическом выстраивании доводов, так и эвристическую, креативную природу. Инференцию как явление, отличное от сформулированных Аристотелем силлогизмов, следует отнести ко второй из названных форм проявления мыслительной деятельности, поскольку одним из основных признаков инференции следует считать догадку и эвристику. Если следование алгоритму предполагает выстраивание цепочки последовательных доводов и жестко детерминирует вывод, то эвристика лишь задает вероятностное направление возможного вывода, но не гарантирует его правильности. *Все лошади млекопитающие. Лошади травоядные. Следовательно, все млекопитающие травоядные* – цепочка умозаключений с логически правильным, но практически ложным выводом. Рассмотрим другой пример. *To be honest, I'm not happy with the way you run the department. The trouble is you always want to know where I am. How can I meet my sales targets if I have to spend all the time writing reports, telephone messages and attending meetings* [10, p. 155]. / *Честно говоря, мне не нравится, как ты руководишь отделом. Проблема в том, что ты каждую минуту хочешь знать, где я. Как я могу выполнять план продаж, если я все время либо пишу отчеты, либо отвечаю на звонки, либо участвую в заседаниях.* Данный фрагмент дискурса показывает, что в цепочке выдвигаемых аргументов нет последовательности, а за сказанным стоит совершенно иной, скрытый смысл: 1) я устал от придинок; 2) в офисе много ненужной работы и т.п. Тем не менее вывод, который делает собеседник, правильный: *You should take some days off, Mary. I see you are tired, but if you really want to help, write down your suggestions* [Ibidem]. / *Тебе стоит взять пару дней за свой счет, Мэри. Я вижу, что ты устала, и если хочешь помочь, представь свои соображения в письменном виде.* Это происходит потому, что в основе инференции лежит эвристика, догадка, которая отличается от прямого смысла высказывания.

Основными мыслительными операциями принято считать сравнение, аналогию, обобщение, абстракцию, систематизацию, конкретизацию, индукцию, дедукцию, анализ, синтез и т.п. Однако не все из перечисленных операций могут рассматриваться применительно к инференции. Поэтому в рассмотрении видов инференции мы отталкивались от языкового материала и искали соответствие между получаемым выводом и тем, какая мыслительная операция может лежать в его основе.

Сравнение – мыслительная операция, раскрывающая тождество и различие явлений и их свойств, позволяющая произвести классификацию явлений и их обобщение. Необходимость выделения или противопоставления объекта классу подобных объектов вызывает сравнительную инференцию, при которой прототип, как абстракция из набора стимулов, выступает в качестве эталона сравнения [4, с. 79]. Например, анализ полисемии производных разных частей речи показывает, что распознавание слов, принадлежащих к одному семантическому гнезду, происходит через сравнение с прототипом, лежащим в основе данного семантического гнезда. Дорожный – относящийся к дороге, дорожный плащ – плащ, используемый в дороге, дорожные работы – работы, производимые на дороге, дорожное покрытие – то, что покрывает дорогу. **Достраивание, или фрейминг** (название, произошедшее от понятия «фрейм», рассмотренного М. Минским в теории фреймов; фрейм – структура хранения информации в памяти, которая отражает стереотипную ситуацию и ее компоненты), – когнитивная мыслительная операция, при которой восполняются отсутствующие компоненты, детали ситуации. Можно привести огромное количество примеров инференции достраивания, например:

А (1) – Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Б (2) – А я что такого сделал?

Здесь А – взрослый или учитель вербально обозначает рамки будущего общения – «серьезный разговор», Б – младший или ученик интерпретирует (1) не как приглашение к «серьезному разговору», а как неизбежный выговор.

Действие инференции достраивания можно увидеть при восприятии однокоренных образований в тексте. *На выпускном вечере было шумно. Ребята (выпускники) весело праздновали окончание учебы. Этот набор был особенным, такое обилие красных дипломов было впервые.* При восприятии данного высказывания компоненты ситуации достраиваются: ребята превращаются в выпускников, набор – в выпуск и т.д.

Интеграция – процесс ментального соединения концептов или ментальных пространств через проекции типа концептуальных метафор, метонимий и схематических индукций. Действие интегрирующей инференции можно наблюдать, в частности, при образовании сложных слов или фразеологических конструкций. Восприятие таких конструкций сопряжено с двойной инференцией (концептуальная интеграция осуществляется при одновременном восприятии фразеологизма и соединении его с остальным текстом) [5]. Примером интегральной инференции может стать восприятие фразеологизма *Плохому танцору ноги мешают*. В его основе можно выделить два исходных ментальных пространства *танец* и *ноги*, связанные через метонимическую концептуальную проекцию и образующие общий бленд, включающий, с одной стороны, изящество и легкость, присущие танцу, а с другой – неуклюжесть, косолапость при ходьбе, присущие некоторым людям. Результатом когнитивной переработки является интегральная инференция – *плохая работа, которая оправдывается нелепой причиной*.

Элиминация – когнитивная операция, при которой происходит опускание нерелевантной информации в ходе восприятия, переработки и семантического вывода. Здесь мы имеем дело с элиминирующей инференцией. В высказывании *Как начал работать, стал откладывать на «Москвича»* в ходе инференции опускаются такие ненужные детали, как время начала работы, тип машины и т.п., из всей конструкции выводится только необходимая информация – говорящий хочет купить машину «Москвич», но не может это сделать сразу.

Дедукция – отражение общей связанности явлений, категориальный охват конкретного явления его общими связями, анализ конкретного в системе обобщенных знаний. Несмотря на то, что дедукция и инференция – понятия смежные, но не синонимичные (инференция – вид естественной, а не формальной логики в отличие от дедукции), инференция может носить дедуктивный характер, если она осуществляется в определенном контексте.

А – Если погода будет хорошая, мы обязательно пойдем гулять.

Б – Значит, ты завтра не идешь на работу?

В этой ситуации очевидно, что Б, опираясь на то, что есть возможность вместе провести время, приходит к выводу, что А будет свободен.

Индукция – вероятностное умозаключение, когда по отдельным признакам некоторых явлений делается суждение обо всех предметах данного класса. Традиционно индукция противопоставляется дедукции, поскольку в отличие от дедукции направлена от частного к общему. Тем не менее отличие индуктивной инференции от дедуктивной носит очень расплывчатый характер, т.к. очень сложно измерить грань, где человек отталкивается от общего и приходит к частному, а где наоборот. Поэтому разделение индуктивной и дедуктивной инференции является довольно интуитивным.

А – Ты снова получил двойку за домашнее задание.

Б – Тамара Ивановна просто придирается к моему почерку.

А – Ты просто неряха.

В общении с сыном, отталкиваясь от знаний о характере сына и ключевого слова «почерк», мать делает вывод, что двойка была получена за неаккуратность.

Итак, исследование природы инференции привело к необходимости выделения ее основных видов, что позволило бы максимально полно раскрыть все стороны данного явления. Инференция имеет разновекторную природу и находит свое проявление часто в совершенно разных областях человеческой деятельности. Ограничивая свою задачу изучения инференции рамками лингвистики, мы тем не менее проводили поиск основы для классификации видов инференции в более широкой области, чем лингвистика, – области человеческого мышления. Такой подход был связан с двумя причинами: универсальностью инференции (умозаключение может быть сделано как на основе сказанного, так и на основе увиденного, эмоционально пережитого) и ее отнесенностью к человеческому мышлению. В ходе анализа языкового материала были выявлены следующие виды инференции: сравнительная, достраивающая, интегрирующая, элиминирующая, дедуктивная и индуктивная. Представленная классификация нуждается в дальнейшем дополнении вследствие большого объема исследуемого материала.

Список источников

1. **Бабина Л. В.** Вторичная репрезентация концептов в языке: дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2003. 341 с.
2. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
3. **Куликова О. В.** Структура дискурса и проблемы инференции (на примере аргументативного дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 521. С. 8-28.
4. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
5. **Прохоров А. В.** Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2006. 159 с.
6. **Суворова Е. В., Полякова Л. С.** Инференция в процессах номинации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 131-139.
7. **Ballstaedt S.-P., Mandl H., Schnotz W., Tergan S.-O.** Texte verstehen, Texte gestalten. München: Urban und Schwarzenberg, 1981. 211 S.
8. **Carpenter P. A., Just M. A.** Cognitive processes in comprehension. Hillsdale, N. J., 1977. 453 p.
9. **Clark H. H., Carlson T. B.** Context for Comprehension // Attention and Performance / ed. by J. Long, A. Baddeley. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 1981. Vol. 9. P. 313-330.
10. **Cotton D., Falvey D., Kent S.** New Market Leader. Pre-intermediate business English. Course book. Pearson Education Limited, 2002. 160 p.
11. **Crothers E. J.** Paragraph structure inference. Norwood, N. J.: Ablex, 1979. 144 p.
12. **Dijk T. A. van, Kintsch W.** Strategies of discourse comprehension. N. Y.: Academic, 1983. 418 p.
13. **Graesser A., Singer M., Trabasso T.** Constructing Inferences during Narrative Text Comprehension // Psychological Review. 1994. Vol. 101. № 3. P. 371-395.
14. **Inferences in text processing** / ed. by G. Rickheit, H. Strohner // Advances in Psychology. North Holland – Amsterdam – N. Y. – Oxford: North-Holland Publishing Company, 1985. № 29. 338 p.
15. **Sanford A. J., Garrod S. C.** Understanding written language: Comprehension beyond the sentence. Chichester – N. Y. – Brisbane – Toronto: John Wiley & Sons, 1981. 224 p.
16. **Singer M.** The role of case-filling inferences in the coherence of brief passages // Discourse Processes. 1980. № 3. P. 185-201.
17. **Sperber D., Wilson D.** Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Blackwell, 1986. 326 p.

TYPES OF INFERENCE IN THE DISCOURSE

Suvorova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
suvorlen@yandex.ru

The article provides a survey of the modern Russian and foreign scientific researches in the sphere of inference and discourse. The author focuses on discussing and analyzing the existing inference classifications with a view to evaluate their universality and to propose her own classification of inference types on the basis of more universal criteria of speech cogitation not associated with a certain product of speech activity. According to the author, such mental operations as comparison, framing, integration, elimination, deduction and induction may serve as a basis to identify the appropriate types of inference. The paper provides a survey of these operations in relation to different utterances and concludes whether these types of mental operations can be considered as a basis of different types of inference.

Key words and phrases: inference; types of inference; cogitation; mental operations; discourse.

УДК 811.13

Дата поступления рукописи: 28.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-4-1.42>

Данная статья посвящена изучению феномена лжи и ложных высказываний. Рассматриваются с лингвистической точки зрения ложь и обман. Анализируется роль коммуникативно-прагматического пространства, в рамках которого осуществляются ложные высказывания. В центре внимания автора – способы реализации иллокутивного потенциала ложных высказываний в коммуникативном акте. Основное внимание в работе акцентируется на различных аспектах феномена лжи и обмана, а также на проблеме выявления условий успешной реализации лжи в коммуникации. Содержание исследования составляется на материале французского языка, а в качестве источника примеров используется художественное произведение Жана-Кристофа Гранже «Полет аистов».

Ключевые слова и фразы: ложь; обман; ложное высказывание; иллокутивность; иллокутивный потенциал.

Табернилья-Басабе Алина Эусебиовна

Московский городской педагогический университет
lesamedi@mail.ru

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЛЛОКУТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В научных исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов XX-XXI вв. большое внимание уделяется изучению такого широко распространённого коммуникативного явления, как ложное высказывание. Многие в современной жизни человека оцениваются с позиции истины и лжи. В изучении этого феномена заинтересованы не только лингвисты, но и другие ученые, которые в процессе своей профессиональной деятельности так или иначе сталкиваются с разоблачением обмана. Необходимо отметить, что ложь – это феномен коммуникативного, информационного, социального и личностного порядка.

Социальный интерес к исследованию наиболее эффективных структур, которые делают возможной успешность коммуникации, очень высок. Таким образом, актуальность этого вопроса обеспечивается ролью, которую играет в повседневной жизни необходимость использования лжи и обмана для того, чтобы быть уверенным в том, что человек может заставить собеседника думать определенным образом, выгодным для говорящего. В данной статье предпринимается попытка проанализировать роль коммуникативно-прагматического пространства, в рамках которого осуществляются ложные высказывания.

В процессе коммуникативного взаимодействия коммуниканты являются представителями определенной социальной среды, находясь в определенных социальных условиях, когда они вынуждены подчиняться правилам и нормам поведения, принятым в данной среде, то есть вынуждены носить своего рода общественную маску. Общество предъявляет определенные требования к своим членам, учитывая возрастные и индивидуальные особенности. Когда люди что-то говорят, они тем самым совершают социальные действия, конкретные свойства которых определяются языковыми средствами созданного ими высказывания, его построением, стилистическими особенностями и т.п.

Большое значение при исследовании этих понятий имеют работы П. Грайса, который назвал основным признаком общения «принцип кооперации» [2]. Правилами успешного коммуникативного взаимодействия подразумевается, что говорящий, вступая в речевой акт и в процесс общения в целом, соглашается соблюдать эти принципы и, следовательно, собеседник ожидает этого от него.

Следовательно, обмен информацией есть процесс социальной деятельности и межличностного взаимодействия, отражающего особенности различных социально-деятельностных контекстов и намерений коммуникантов. С этой точки зрения социальный и личностный аспекты лжи во многом связаны с сохранением или повышением социального статуса говорящего в глазах собеседника путем умышленного искажения реально-го положения дел.